

УБРЯ
НОБА

УЛЬЯ
ПОВА
СОБАЧНИЙ
ЦАРЬ
  РОМАН-
ОБЕРЕГ

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У51

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*
Иллюстрации на переплете и титуле *В. Тимофеевой*

Улья Нова.

У51 Собачий царь : роман-оберег / Улья Нова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Улья Нова: городская проза).

ISBN 978-5-699-90887-5

Говорила Лопушиха своему сожителю: надо нам жизнь улучшить, добиться успеха и процветания. Садись на поезд, поезжай в Москву, ищи Собачьего Царя. Знают люди: если жизнью недоволен так, что хоть вой, нужно обратиться к Лай Лаичу Брехуну, он поможет. Поверил мужик, приехал в столицу, пристроился к родственнику-бизнесмену в работники. И стал ждать встречи с Собачьим Царём. Где-то ведь бродит он по Москве в окружении верных псов, которые рыщут мимо офисов и эстакад, всё вынюхивают-выведывают. И является на зов того, кому жизнь неважно. Даст, обязательно даст Лай Лаич подсказку, как судьбу исправить, знак пошлёт или испытание. Выдержишь — будет тебе счастье. Но опасайся Брехуна, ничего не скрывать от его пронзительного взгляда. Если душа у человека с червоточинкой, уводит его Лай Лаич в своё царство. И редко кого оттуда выпускает человеческий век доживать...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

- © Нова У., текст 2016
- © Тимофеева В., иллюстрации, 2016
- © Кузнецова А., предисловие, 2016
- © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90887-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Улья Нова — литературное имя писательницы, чьё настоящее имя ещё больше напоминает псевдоним, поскольку она полная тёзка члена одной очень известной семьи, оставившей неизгладимый след в российской истории. Сочетание её паспортных имени и фамилии вызывает в воображении образ строгой бабушки в белом воротничке, с гладким зачёсом платиновой седины, столь резко контрастирующий с юным и дерзким обликом этой стильной современной москвички, что имя можно было оставить и своё — такие имена часто присваивают люди, которым куда меньше повезло.

Тем не менее литературное имя получилось говорящим: тексты этой писательницы похожи на улы. Каждый новый роман вырастает, как соты, из ячеистых структур абзацевой архитектоники. Эти соты заполняются пёстрой пылью наблюдений и впечатлений, загустеваящей в плотный, ароматный, чуть терпкий и немного вязкий текст.

И возникает вита нова — новая жизнь, невиданная, причудливая, какой ещё не было: каждый ро-

ман Ульи Новы — замкнутый, самодостаточный мир, живущий по законам собственной природы.

Эти вселенные роящихся образов и похожи и не похожи одна на другую. Похожи единством приёма — писательница говорит голосами своих героев, погружая читателя в их индивидуальные миры, нередко экзотические. Так, в романе «Лазалки» мы видим мир глазами маленьких детей, смотрим на окружающую действительность из самого детства, ойкумена которого — двор и окрестности. И в реалистическом повествовании возникает неожиданный сдвиг, делающий его сродни фантастическому, не нарушая законов жанра.

А непохожи потому, что герои всякий раз новые, миры иные, голоса разные.

В романе «Собачий царь» с жанровым подзаголовком «роман-оберег» основное действие происходит в современной Москве, однако мир его героев куда пространнее любого чётко очерченного локуса.

Мир этот — мифологически-сказочный. Правят им древнейшие божества, они же — человеческие просьбы: Дайбог, Недайбог и Избавьбог.

Помазанники этой троицы — лукавые цари: Вихорь Вихорович Придорожный, что спутывает все тропинки в дальней русской глубинке, и Лай Лаич Брехун с тремя псами-осведомителями, выискивающими недотёп. Брехун подговаривает нестоличных мужчин съезжаться в Москву, там даёт им подлые задания, всех неуспешных превращая в собачьи своры, и судьба их тогда — *проживать каждый день как последний.*

Есть в этом мире и герои, которые в русской традиции отнюдь не полубоги. Это бабы у разбитых или пока ещё целых корыт, деды, раздающие рекламу у метро, зазывалы у ресторанов, бомбилы на перекрёстках, девицы, вышедшие покататься по московским проспектам на роликах и похищенные хтоническими чудовищами в вековую офисную тоску, которую развеет ненадолго разве что вечерний Разгуляй. Словом, обыкновенные москвичи, добрая половина которых москвичами не рождается, а становится. Поэтому у одного московского жителя есть сестра в тайге, косматая да бельмастая, но родная и кровная. Стыдится он её, но регулярно навещает на «Чайке», отмывает и забирает в гости. А у другого москвича, скоробогатого, осталась в городке трёхэтажном, с ткацкой фабрикой, брошенка...

Через язык романа проходят немосковские широты: архангельский сказ, юмор вологодских бухтин, стиль заговоров и заклинаний тайги, где тропинки с чудиной обманывают пробирающихся через хвойные заросли путников.

Литературный фольклор развивается в фонах и образах народной демонологии: домовая Нехотка, Куприяниха-песельница, на опушке за оврагом похороненная; Храпуша, Хрипуша, Зябуха да Дремлея, золовки Недайбога; и пузыри земли помельче: зимцерлы, омутницы, люмбелы, дзевои...

Так современный пласт сюжета обретает сферическую объёмность: историческую глубину и широту российской географии. А история с географией прирастают живым и узнаваемым культурным слоем

настоящего времени: холодильники и мобильники, Сам-Первый с Самим-Вторым, то бишь президент и премьер; бородинский хлеб с пошехонским сыром и телевизор, вездесущий настолько, что даже явился в бреду деревенской бабе, замерзающей у могилы соседки.

Особенно колоритно встречаются сказ с актуальностью (современностью?) в описании телерекламы, которое вечно голодный мужик-недотёпа, отправленный сожительницей из таёжной деревни в Белокаменную на заработки, письмом домой отправил: *«Улыбается с экрана молодая да чужая. Накрошила в чугунок всякой зелени, редиски и огурца, перед носом тот чугунок пронесла и ушла куда-то в синие двери, даже для приличия откусать не предложила. Йогурты в пасть суют, а лизнуть не дают...»* Так выглядит главный движитель этого мира — жор московский. Не голод привычный, сгоняющий в столицу люд из бедствующих регионов, а именно жор, заставляющий сытых людей страдать неутолимым аппетитом.

Эту алчность, это неумолчное «дай», ставшее постоянным шумовым фоном романа, выражает и развёрнутая метафора — ужение рыбы. День и ночь под Нагатинским мостом сидят над прорубями скрюченные мужики — метафизическая картина брейгелевской выразительности. Золотую рыбку (или сказочную щуку) надеются выловить. Весна пришла, и только рыбаки её не заметили: *«Никуда они с места не сдвинулись, ничего они в воздухе не чуяли, на растрёпанное солнышко не глазели, голосистые гуд-*

ки городские мимо ушей пропускали. Изредка дымили папиросками. За лунками понуро следили и проснувшуюся рыбу прикармливали». Пока не унесло их на отколовшейся льдине.

А весна наступила, когда укатила восвояси зима, которая тоже в столице не прописана: московская зима — это, оказывается, Зина Озёрная, та самая брошенка из казкого городка, оставленная мужиком Башляем, который открыл пельменную в Первопрестольной и так разжирел, что Зина, бросившись было за ним через озеро и достигнув Белокаменной уже озёрницей, — не узнала его и не отомстила...

Здесь за каждым героем — своя сказочка, и что кому на роду написано — хранит таинственная книжка, притаившаяся в пустой библиотеке рыбацкого посёлка, причём в отделе периодики. То есть нет конца этим сказкам о рыбаках и рыбках: завершаются одни — начинаются другие. Но вот беда: герои-то не знают, что их судьбы на суровой берёзовой бумаге записаны, и всё норовят перепрыгнуть в сказочку поскладнее своей, оттого и страдают в финале сильнее, чем начали.

Так, девушка Липка, у которой умер любимый пекинес, однажды встала на ролики и исчезла из московской родительской квартиры — покатила и докатилась до эротической сцены с Собачьим царём на Лихоборских Буграх: «Веселился Брехун, девицу развлекал, себя ублажал, неслись они на сером волке по дну моря-одеяла, разметались золотые волосы, растрепались взмокшие патлы, пропотели оба, ослабли, всё равно молчали да скакали как по-

лоумные». А в конце книги вынырнула Липка дивой в *жинсах*, брезгливо покидающей жилище очередного не оправдавшего надежды краснобая-царевича, наследника престола Лаева.

Но почему же всё-таки «роман-оберег»? Не потому ли, что *сказка ложь, да в ней намёк, а кто преду-прежден, тот защищен?*

И самый сильный оберег для всех героев невесёлых сказок нашёл, взглянув вверх, а не вниз, лохматый пёс, когда-то бывший мужиком и имеющий надежду вернуться в человеческий мир, потому что Собачий царь раз в тридцать-сорок лет отпускает одного такого бедолагу рассказывать людям свою грустную сказку, чтобы уважали Собачьего царя (и боялись). Оберег этот — красота мира, полного неразгаданных тайн, а значит, и надежды для любого бедолаги (*из нас?*): «*Однажды, на самом краю Зимы, в небесах над городом возьмут и остановятся облака. Почему они это, не знаю, может быть, от снега устали и решили передохнуть. И вот, грустишь ты, Молчальник, укryвшись от чужих глаз за двумя рядами богатырских лип, а над твоей головой облака замерли и висят...*»

Красота, как известно, спасёт мир, а в нём — тех, кто умеет её видеть.

На том сказка не вся, да больше говорить нельзя. Зато можно читать.

Анна Кузнецова

ГЛАВА 1

ТОПТЫГИН

С судьбой Топтыгин согласен, но помалкивает и виду не подаёт. И тем не менее все будние дни, какой ни возьми, имеют обыкновение час за часом нищать, истончаться, потихоньку в вечер превращаться.

Прокуковало радио рабочий полдень. Пора из берлоги родной вылезать. Пробуждается Топтыгин от бездействия, по волшебству обретает вид хитроватый и прищур вороватый. Гром ещё не грянул, можно было бы часок помечтать на ту тему, кто она, эта тараторка из радио, которая, что ни день, весело и бойко прославляет целебные свойства подорожник-травы. Но Топтыгин уже отмахнулся от газетки. С горечью отключает он тараторку и боязливо поглядывает на часы. Не в силах усидеть на месте, срывается с тахты. Ох и летает по квартире — не мужик, а ласточка перед грозой. Тут Топтыгин возит-ся, пиджак щёткой царапает. Там Топтыгин шуршит, папиросы разыскивает. И в шкафу наглаженное раскидывает, разложенное по полочкам разбрасывает, возмущаясь, куда же делись штаны.

Готовится Топтыгин к бегству, за сборами озадаченно потирая щетину на подбородке. Щетина у него растёт островками, словно на болоте осока колючая, очень уж вид придает подозрительный. Поразмыслив, решает Топтыгин и сегодня как-нибудь обойтись без бритвы: а то в спешке рука дрогнет, будешь потом весь в порезах ходить.

Теперь, кажется, к побегу готов. С нетерпеливым трепетом выплясывает он у двери, надвигая ботинки. Но случается же изо дня в день, как по расписанию: только обрадуется Топтыгин-человек, что судьбу вокруг пальца обвёл, тут же громом из ясного неба раздаётся торопливое скрежетание ключа в замке.

Антонина-жена с порога бессловесно торжествует. Брови её — ондатровый воротник, запахнутый в сильную пургу. Прошибает орлиный взор Топтыгина до хребта, отбивая тягу к сопротивлению, заставляя без оправданий уронить голову и покориться судьбе. Чтобы не пускать на самотёк жизнь косолапого, эта женщина степенная и важная целый день ломала голову, как бы убежать с работы пораньше. Уж она наплела про электрика, про новую люстру обмолвилась, кому надо их прогулы припомнила, до хрипоты побрехала со сменщицей, не без слёз пошептала с хозяйкой — всё же вырвалась на осенний рябиновый холодок.

Задыхаясь, бежала по парку Потаповна, каблуками давила красные яблочки. Из-под ног её срывались в небеса стаи перепуганных голубей. Когда она

неслась по улице, в наискось застёгнутом плащике, в сбившейся измятой косыночке, удивлённые вороны на ветках качались и неодобрительно вослед каркали. Она шептала осипшим голосом извинения, когда сумками нечаянно рвала чулки. А ещё старалась в спешке не прибить дитё малое и не раздавить собачонку на тонких лапках, породу которой вслух при людях говорить неприлично... Всю дорогу жена мчалась, как карета «Скорой помощи» по платному вызову, вот почему теперь команды вырываются из её горла с кашлем. Шёлковые подвитые волосы превратились в подмокшее сено. А по румяным щёчкам катятся капли пота, похожие на куриный бульон, и виснут на многоступенчатом подбородке.

Плащик летит на вешалку, ботинки срываются с ног, в три прыжка вторгается Потаповна на кухню. Кастрюли покорно вскакивают на плиту: кипят, бурлят, громяхают литаврами крышек. Чайник трубит-заливается, сковородки чирикают и шипят, нож сверкает и крошит, морковь шаркает туда-сюда об тёрку. Чудится издали, что партизанский отряд разъярённых баб шумит и потеет, самозабвенно стараясь вырвать Топтыгина из обычной безмятежной одури. Не тратя время на разбирательства, жмёт жена на худенькое плечико, приговаривает: «Садись, горе». И опускает кроткого на табурет.

Дымится перед Топтыгиным полная тарелка щей, вкладывается в его руку ломоть хлеба, в другую, онемевшую и повисшую плетью, вставляется ложка. Золотая баба Потаповна усаживается рядом,

подпирает кулаком щеку, разглядывает исподлобья, как Топтыгин покорно обжигается супом. Не жена глядит, а сыч следит, как он безропотно уплетает тугое мясо с прожилками. Каждые полминуты эта самая жена, словно крыло, вскидывает руку в часах и кукует во весь голос: «Не копайся», отчего сосредоточенный на еде Топтыгин вздрагивает, рискуя подавиться, обжечься или от испуга слететь с табурета. «Как с ребёнком, честное слово, мять тебя размять», — бормочет он с набитым ртом. За это перед измученным Топтыгиным вырастает холм гречневой каши, увенчанный тремя сардельками и маринованным помидором, а в безвольную руку его вкладывается почерневшая кривоzubая вилка.

Топтыгин поглядывает на жену неприветливо, ковыряет гречневый холм неохотно, сардельку прокусывает, морщась. На самом деле он доволен, но мастерски это скрывает. А как не радоваться, когда сроду так не кормили Топтыгина, еды не подавали, к столу не подзывали. До прошлого мая жил он на пороге, чаще всего на лестничной клетке валялся, а соседи над ним головами качали и рты кривили. Эта самая Потаповна-жена, которая теперь так бережно его сторожит, раньше хуже мачехи выставляла за порог и у каждого встречного допытывалась: «Нет ли таблетки такой, чтобы потихоньку без алкаша косолапого одинокой остаться?» Так продолжалось до тех пор, пока не началось у неё соревнование с соседкой, поглотившее простодушную Потаповну с головой. Олимпиада вспыхнула в тот день, когда

купила нижняя мобильный телефон и тут же прибежала хвастаться. Писклявый звоночек сотворил чудо: навек пробудил Потаповну от безразличия к удобствам. Под вечер условие упёрлось остриём в голодный живот Топтыгина: «Хочешь иметь потолок над головой, пол под ногами — становись специалистом, доллар в дом носи. Не хочешь — убирайся, не то подкуплю кого следует, изведут».

Писклявый звоночек соседкиного телефона настойчиво трещал в памяти Потаповны. Ох, не давал он ей спокойно спать. Эх, не давал чаёк хлебать, колбаской заедая. Не спала, не ела жена три дня. Потеряло пять кило тело её. Что ни утро — в раковине седые волосы клоками лежат. Что ни вечер — на кухне пузырьки с каплями полками стоят. Уж неделя прошла, не забылся писклявый звоночек, в животе у жены и в груди звенит. Велит ей срываться с места насиженного, зовёт бежать по переулкам. «Надо-надо, — подсказывает, — пристроить косолапого, чтобы груши он не околачивал».

На восьмой день деньги, скопленные за всю жизнь на чёрные дни, одним махом сняла Антонина со сберкнижки. Сколола ржавой скрепкой ту стопку, ни большую, ни малую, и бродила вокруг жёлтого магазинчика, обсуждая сама с собой «за» и «против». Весь вечер потом разные звоночки наперебой шумели под ухом Топтыгина. Ни на балконе с папироской, ни в уборной за дверью от них не укрыться, на лестнице и то слышать. Так нагуделась жена мобильным,